

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ЦЕНТР СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

ТРАЕКТОРИИ ТРАДИЦИИ

Главы из истории династии и церкви
на Руси конца XI — начала XIII века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 930.85(47)
ББК 63.3(2)43
Л 64

*Исследование выполнено в рамках проекта ОИФН РАН
«Историко-филологический анализ древнерусского нарратива
(на материале летописных и иконографических источников)»*

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.

Л 64 Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 208 с. — (Studia historica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0397-6

В этой книге рассматриваются несколько «загадочных» летописных и материальных свидетельств, связанных с историей русской культуры конца XI — начала XIII столетия. Исследование сосредоточено на том, как индивидуальный выбор находит свое место в традиции, а зачастую и формирует для нее новое русло. Непривычные опыты личного благочестия князей и духовных иерархов, нетривиальные совпадения имен и дат в семейной и публичной истории, неожиданные апелляции к прошлому и использование новых образцов в иконографии власти оказываются столь же необходимыми для поддержания династического и церковного обихода, как и его устойчивые и регулярно воспроизводимые проявления.

ББК 63.3

*На переплете:
пелена великой княгини Марии Гверской (XIV в.) с изображениями русских
князей и митрополитов, причисленных к лику святых*

ISBN 978-5-9551-0397-6

© А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, 2010
© Языки славянской культуры, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов

- 5 -

~ I ~

**МОНАСТЫРЬ СВ. СИМЕОНА В КИЕВЕ
И РУССКО-НЕМЕЦКИЕ СВЯЗИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI В.**

- 9 -

~ II ~

**КНЯЗЬ И МИТРОПОЛИТ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА**

- 21 -

~ III ~

**СМЕРТЬ В ЧЕРНИГОВЕ:
ДУХОВНАЯ ГРАМОТА
МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО КОНСТАНТИНА**

- 80 -

~ IV ~

**ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ:
ТЕКСТОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
ИЛИ КНЯЖЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ?**

- 138 -

~ V ~

**ХРИСТОС ПАНТОКРАТОР
НА ПЕЧАТИ МСТИСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ**

- 152 -

Сокращения и цитируемая литература

- 168 -

Указатель имен

- 193 -

От авторов

История Руси XII века относительно редко рассматривается как нечто целостное и завершенное. Это столетие, разумеется, не обойдено вниманием исследователей, но чаще всего оно предстает как время угасания и дробления начинаний XI века или как преддверие катастрофы, случившейся в веке XIII-ом. При всей насыщенности событиями, этот период явной децентрализации нередко воспринимается едва ли не как некий неизбежный, но не слишком продуктивный промежуток, необходимая заминка в поступательном движении исторического процесса.

Мы хотели бы представить это время под несколько иным углом зрения, разглядеть в нем вполне самостоятельную эпоху — эпоху цветения и развития, а не упадка и оскудения. При этом хронологические границы интересующего нас периода соответствуют границам столетия лишь приблизительно. В качестве нижней из них можно было бы избрать, например, 1096 год, под которым в Лаврентьевской летописи помещено «Поучение» Владимира Мономаха, а в качестве верхней — год 1199, с которым в летописи Ипатьевской соотнесен рассказ о поновлении Михайлова Выдубицкого монастыря в Киеве. Можно, с другой стороны, связать его окончание и с несколько более поздними датами, когда в летописи появляются сообщения о рождении внуков Всеволода Большое Гнездо, один из которых получил имя *Всеволод* при живом деде, а другой оказался прижизненным тезкой своего собственного отца, Ярослава Всеволодича.

Условность предлагаемых точек отсчета более чем очевидна — завет Мономаха, например, и в самом деле может служить некой вехой, отмечающей завершение одного этапа истории Древней Руси и начало следующего; весьма характерные приметы новой эпохи несут в себе и летописные свидетельства, расположенные в Лаврентьевской летописи в непосредственной близости от «Поучения», но все же маловероятно, что Мономахов текст и впрямь был целиком составлен в 1096 г. Нетрудно заметить, что речь в любом случае идет о точках и границах, так сказать, литературных, определяемых не столько по каким-либо событийным приметам вроде заключения военного союза или начала правления того или иного киевского князя, сколько по

своеобразным отражениям хода культурно-исторического процесса в сохранившихся источниках.

Такая доминанта филологической перспективы кажется нам оправданной, поскольку, неизменно храня веру в то, что принято называть исторической реальностью, мы вынуждены столь же неизменно признавать, что никакого прямого доступа к ней — помимо «говорящих» письменных памятников и «молчащих» материальных свидетельств — у нас нет и быть не может. В этом смысле история культуры оказывается реальнее истории событий, поскольку она ближе связана с тем, что мы можем видеть, читать и осязать, и только сквозь ее призму иногда удастся разглядеть, что же случилось «на самом деле».

Создание целостной картины XII века и для нас, авторов этой книги, остается делом будущего, пока же мы готовы предложить читательскому вниманию лишь несколько локальных срезов, или отдельных фрагментов мозаики, которые еще предстоит объединить с другими частями. Если воспользоваться метафорой из области лингвистических исследований, можно сказать, что, намереваясь создать словарь, мы начинаем с пробной публикации отдельных его статей.

С другой стороны, известная атомарность описания обусловлена спецификой рассматриваемого материала — с тем, что у нас осталось от XII века, мы, как кажется, не имеем надежды воссоздать плавное, погодное развитие многих явлений и процессов; множество увлекательнейших вопросов о причинах того или иного события, упомянутого в текстах, или о содержании какого-то фигурирующего здесь термина обречено так и остаться без сколько-нибудь однозначного ответа. Зато порой источники дарят нам сообщения, позволяющие приоткрыть завесу над целой системой культурных закономерностей, присущих именно этому времени и остающихся незамеченными, если подходить к ним с мерками другой эпохи. На наш взгляд, именно совокупность интерпретаций подобного рода фрагментов поможет различить некие внутренние тенденции и направления, по которым развивалась русская культура XII столетия.

В поиске таких ключевых свидетельств мы стремились обращать внимание не только на те отрезки текстов, где наблюдается прямое противоречие между несколькими источниками, но и на те, где читатель сталкивается с явно выраженным недоумением автора или хотя бы с его выделяющимися на общем фоне метасобытийными ремарками; не менее важны здесь, конечно, и случаи эксплицитной констатации изменений, культурного сдвига, отступления от традиции.

Отобранные подобным образом данные неизбежно оказываются весьма разнородными даже по сугубо формальным параметрам — это может быть целый летописный рассказ, упоминание одного-

единственного имени, надпись на иконе или сочетание легенды и изображения на печати, — содержательные же различия между ними могут быть еще более существенными. Такая асимметрия данных не только допускает, но и требует известной асимметрии в исследовательском подходе. Так, отдельные из этих свидетельств стоило, на наш взгляд, рассматривать с учетом инокультурной перспективы, синхронных и диахронических материалов, относящихся, например, к истории Византии или Западной Европы, тогда как другие скорее имеет смысл анализировать изолированно, в рамках собственно русской традиции, осознавая, впрочем, условный, технический и временный характер подобного разделения.

Если говорить об асимметрии другого рода, асимметрии, так сказать, герменевтической, то наиболее рациональным исследовательским подходом к большей части показаний древнейших русских летописных памятников относительно событий XII столетия нам представляется «презумпция невиновности» источника. Иными словами, мы полагаем, что составитель памятника стремился, если не доказано обратное, поведать истину и что его понимание истины, вовсе не обязательно тождественное нашему, все же доступно для современного понимания. С другой стороны, в записях Лаврентьевского свода с определенного времени — условно говоря, с середины 70-х годов интересующего нас века — проявляются тенденции, нуждающиеся в несколько других интерпретационных методах (впрочем, проблематика, связанная со сменой нарративного регистра в указанной части летописи, практически полностью остается за рамками очерков, собранных под этой обложкой).

Итак, каждый из предложенных здесь сюжетов отталкивается от какой-либо максимально конкретной детали, будь то летописная статья или материальный объект, — продвигаясь от частного к общему, мы стремились всячески воздерживаться от того, чтобы заходить по этому пути далее, чем позволяют доступные нам данные. Есть ли возможность хотя бы в отдаленной перспективе составить на основании исследования подобных отрывков какое-либо единое представление об истории столетия?

В большинстве глав нашей книги речь идет о некоем индивидуальном выборе, об акте личного благочестия, о вполне персонифицированных и нерутинных действиях, каждое из которых, тем не менее, совершается публично и обладает своеобразной диалогичностью. «Высказывания» в культурном диалоге такого рода напоминают нечаянно услышанный разговор по телефону, когда очевидцу доступны слова лишь одной из сторон и именно по ним он пытается угадать или достроить реакцию другого собеседника и общую фабулу разго-

вора. Образ этого многоликого незримого собеседника — аудиторию, к которой были обращены действия и речи князя или духовного иерарха, — мы отчасти вынуждены реконструировать или отыскивать в других свидетельствах, других источниках, однако самое наличие реакции на запечатленные в текстах реплики наших героев сомнений не вызывает. «Ответ» может исходить от современников, относительно близких потомков или последовать через несколько столетий, но диалогическая природа этих реплик не дает им повиснуть в воздухе и обеспечивает хронографический текст связностью, а культурно-историческую эпоху — цельностью.

Оговоримся напоследок, что, едва успев наметить хронологические рамки интересующего нас периода, мы неизбежно сталкиваемся с потребностью выходить иногда за их пределы. Как это обычно случается, прототипы культурных событий, наиболее ярко характеризующих ту или иную эпоху, принадлежат времени непосредственно ей предшествующему, а ее итоги особенно зримы на излете, в момент завершения. Таким образом, первая глава нашей книги посвящена эпизоду из истории киевского правления князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, тогда как в последней речи идет о микротрадиции, заложенной в XIII веке Ярославом Всеволодичем и подхваченной его сыновьями и внуками.

* * *

В настоящем издании авторы стремились максимально упростить оформление и справочно-технический аппарат. Оговорок требуют, пожалуй, лишь два обстоятельства: 1) курсив в цитатах, кроме специально отмечаемых случаев, принадлежит нам; 2) аббревиатуры, отсылающие к отдельным источникам или серийным и периодическим изданиям (ГВНП, ВВ, ДОР и т. д.), включены в общий алфавитный список цитируемой литературы.

Прориси печатей, помещенные в конце V главы, приводятся по изд.: В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

Авторы выражают глубокую признательность друзьям и коллегам, участвовавшим в обсуждении этой книги и отдельных ее частей. Особенно хотелось бы поблагодарить Е. В. Белякову, М. А. Бойцова, А. В. Бусыгина, Т. Л. Вилкул, А. А. Гиппиуса, А. А. Королева, Климентину Иванову, С. А. Иванова, А. В. Назаренко, А. В. Севальнева, О. Б. Страхову, А. П. Толочко, А. А. Турилова.

Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в.

Большинство святых, особенно любимых первыми поколениями крещеных Рюриковичей, мы знаем благодаря тому, что их культ был подхвачен потомками — им посвящались новые храмы, их имена со временем становились династическими, а их изображения переходили с одной княжеской печати на другую. Однако кругом этих наиболее знаменитых общеродовых покровителей далеко не исчерпывается перечень святых, которых русские князья чтили в XI веке. О некоторых фактах такого почитания мы догадываемся по летописным рассказам, описывающим события более позднего времени, но в подобных случаях известный лаконизм свидетельств русских летописей о церковном строительстве или посвящении храмов может усугубляться заведомой дистанцированностью нарратива от интересующей нас эпохи. Тем не менее, даже «точечные» свидетельства летописи, относящиеся к разным отрезкам домонгольской истории Руси, иногда позволяют реконструировать некоторые эпизоды княжеской церковной жизни, впоследствии как бы растворившиеся в династической памяти.

В Ипатьевской летописи под 1147 г., годом убийства князя-чернеца Игоря Ольговича, мы находим сообщение о том, что его тело, растерзанное толпой, было погребено в Симеоновском монастыре:

... и везе на конец града в монастырь стмоу Семешноу бѣ бо манастырь ѿца его и дѣда е^ѣ Стослава тамо положиша¹.

В этом летописном свидетельстве особо выделен и назван по имени дед Игоря, Святослав Ярославич († 1076). Данное обстоятельство закономерным образом позволило исследователям считать, что именно князь Святослав и был основателем Симеоновского монастыря².

За этой как будто бы не вызывающей никаких принципиальных возражений гипотезой сама собой тянется и другая, более смелая и шаткая: не был ли в таком случае Святослав *Симеоном* в крещении? Здесь возникает сразу несколько достаточно очевидных возражений. С одной стороны, судя по показаниям Любечского синодика, Свято-

¹ См.: ПСРЛ, т. II, стб. 354.

² См., например: Шапов 1989, с. 136.

слав был в крещении *Николаем*³. С другой стороны, в черниговской ветви рода существовала относительно устойчивая именная пара: родовое имя *Святослав* в сочетании с христианским *Николай*⁴.

Сами по себе эти возражения не отменяют версии с крестильным именем *Симеон*, ведь показания синодика трудно признать совершенно достоверными, а стабильность именных пар в княжеском именовании не следует переоценивать. Надежно известны всего лишь два *Святослава-Николая* среди черниговских Рюриковичей — Никола Святоша и Святослав-Николай Ольгович († 1164)⁵. При этом у черниговцев были, к примеру, и Святослав-Адриан († 1208) и Святослав-Борис⁶. Таким образом, наличие антропонимической пары говорит лишь о вероятности такого сочетания у основателя черниговской ветви, а отнюдь не о том, что Святослав Ярославич непременно был в крещении *Николаем*.

Тем не менее, если на одну чашу весов положить эти данные, а на другую — процитированную запись о Симеоновом монастыре, то предпочтение по справедливости следует отдать версии о крестильном имени Святослава *Николай*⁷. Подчеркнем, вслед за А. В. Назаренко, что не всякий храм, возведенный князем-ктитором, посвящен его патрональному святому, а потому нет нужды приписывать Святославу Ярославичу крестильное имя *Симеон*⁸. Однако, принимая вполне правдоподобный вывод о том, что Святослав Ярославич все же не был *Симеоном*, не следует забывать, что храмовое строительство князей, не будучи облигаторно связано с крестильным именем ктитора, обычно как-то соот-

³ См.: Зотов 1892, с. 24, 33; ср., кроме того, в целом верные, но слишком категоричные, на наш взгляд, утверждения о крестильном имени Святослава в работе: Dimnik 1994, с. 35 (примеч. 40).

⁴ Ср.: Назаренко 2001, с. 593–594. Об устойчивых именных парах в династии Рюриковичей вообще и об именной паре *Святослав-Николай* в частности см. подробнее: Литвина & Успенский 2006, с. 419–432, особенно с. 424–425.

⁵ См.: Литвина & Успенский 2006, с. 607, 608.

⁶ Там же, с. 608, 609.

⁷ См. иначе: Максимович 1877, с. 121; Шапов 1989, с. 136, 223.

⁸ См.: Назаренко 2001, с. 593–594 (примеч. 3). Правда, в древних текстах есть еще одно причудливое сближение имени князя Святослава с христианским *Симеон*: как известно, в Изборнике 1073 г. имеется запись, где указано, что Изборник выполнен Иоанном дьяком по повелению князя Святослава. В рукописи имя *Святослав* написано по соскобленному тексту. При этом существует список XV в., где в соответствующем месте сохранилось имя *Симеон* (Дювернуа 1883, с. 1), и есть основания полагать, что именно чтение «Симеон» является первоначальным. Впрочем, по мнению целого ряда исследователей, объясняется это тем, что дьяк Иоанн имел перед собой болгарский оригинал, где было указано имя царя Симеона. См.: Каринский 1925, с. 11; Протасьева 1974, с. 207 (примеч. 6); Щепкина 1977, с. 224; СлККДР, вып. I, с. 194, с указанием литературы.

несено с христианским антропонимиком его семьи. Попросту говоря, если князь строил храм во имя архангела Михаила, то сам он мог и не быть *Михаилом*, но чаще всего у него был отец или дед с таким именем или он называл так новорожденного наследника, сына или внука.

Связи подобного рода, иными словами, могли тянуться по генеалогической лестнице вверх или вниз, а могли и уходить, так сказать, вбок, объединяя родственников или свойственников одного поколения. Нам же предстоит ответить на вопрос, почему, не будучи *Симеоном* и не имея деда или отца с таким именем⁹, Святослав Ярославич все-таки возвел монастырь во имя св. Симеона. И, наконец, было бы очень интересно если не выяснить наверняка, то хотя бы подступиться к решению проблемы, кому именно из свв. Симеонов мог быть этот монастырь посвящен.

* * *

Как известно, в 1075 г. на Русь к князю Святославу Ярославичу прибыло немецкое посольство от короля Генриха IV († 1106). Свидетельства об этом событии сохранились не только в составе русской летописи¹⁰, но и в западноевропейских источниках. Мы знаем из *Анналов Ламперта Херсфельдского*, что посольство возглавил не кто иной, как Бурхард, настоятель трирской церкви:

Этот [Бурхард], — по словам хрониста, — оказался подходящим для такого посольства по той причине, что тот, к кому он отправлялся, был женат на его сестре, и Бурхард активно ходатайствовал перед королем, чтобы против того пока не предпринималось никаких более суровых мер¹¹.

Действительно, Святослав Ярославич был женат на Оде, которая, судя по всему, была дочерью графа Лютпольда и госпожи Иды из Эльсдорфа¹². Бурхард был братом Оды, родным или единоутробным, а Святославу Ярославичу, таким образом, он приходился шурином. Нам ничего не известно о том, какова была его роль при заключении

⁹ Как мы знаем, деда князя Святослава в крещении звали *Василий*, а отца — *Георгий*.

¹⁰ «В се же дѣто придоша сли из Нѣмецъ къ Сѣтославу Сѣтославъ же величаша се показа имъ бѣтство свое шни же видѣвше бещисленое множество злато и сребро и паволоки и рѣша се ни въ чтоже естъ се бо лежить мертво сего суть кметье луче мужи бо са доищють и болше сего сице са похвали и Иезекии цѣрь Июдѣискъ к Соломону цѣра Асурииска югоже вса взата быша в Вавилонъ тако и по сего смрти все имѣнье расыпаса разно» (ПСРЛ, т. I, стб. 198–199).

¹¹ *Lamp.*, с. 202 (под 1075 г.). Перевод А. В. Назаренко, цит. по: Назаренко 2001, с. 509.

¹² См.: Назаренко 1994; Назаренко 2001, с. 506–528.

брака, однако из свидетельства Ламперта явствует, что в дальнейшем он заботился об интересах своего зятя и что ему удалось уладить конфликт к полному удовольствию обеих сторон — короля Генриха IV и князя Святослава. Совершенно очевидно, таким образом, что это свойство ни для него, ни для князя отнюдь не было пустым звуком: оно продолжало занимать важное место в той политической игре, которую Святославу приходилось вести в соперничестве с собственным братом, князем Изяславом († 1078).

Кем же был глава немецкого посольства, шурин Святослава Ярославича? Н. М. Карамзин, исходя, судя по всему, из реалий своей эпохи, дал его деятельности замечательно корректное определение, назвав Бурхарда «трирским духовным чиновником»¹³. В самом деле, Ламперт Херсфельдский, современник описываемых событий, характеризует Бурхарда как «настоятеля Трирской церкви»¹⁴, а в Штаденских анналах, немецком источнике XIII в., о нем уже прямо говорится: «...главный настоятель в Трире, который впоследствии был избран архиепископом»¹⁵.

В историографии закрепилось именование Бурхарда архиепископом, против чего справедливо возражал А. В. Назаренко, указывавший, что Бурхард не был ни главным настоятелем, ни, тем более, архиепископом Трира, а был лишь настоятелем соборного храма в трирском монастыре св. Симеона¹⁶.

Что же это за монастырь и чем он нам интересен в связи со строительством монастыря св. Симеона в Киеве?

* * *

Почитание в Трире Симеона младшего Столпника¹⁷ — это яркий пример бурного расцвета в середине XI столетия нового культа, когда

¹³ См.: Карамзин, т. II, с. 53.

¹⁴ «... Burchardus Teverensis ecclesiae prepositus...» (Lamp., с. 202 (под 1075 г.)).

¹⁵ «... Treverensis maior prepositus, qui postea in archiepiscopum est electus» (Ann. Stad., с. 320). Перевод А. В. Назаренко, цит. по: Назаренко 2001, с. 507.

¹⁶ См.: Назаренко 2001, с. 507–508. Вопрос о том, кем был и кем не был Бурхард, наиболее основательно рассматривается в работе: Heyen 1984, с. 195–295.

¹⁷ Исследователи жития Симеона Трирского убеждены, что речь в нем идет именно о подвиге столпничества и что надвратная башня, в которой поселился святой, трактовалась им самим и его современниками именно как столп. Одна из поздних (XV в.) рукописей его жития содержит в заглавии прямое указание на столпничество Симеона Трирского: «vita sancti Symeonis confessoris supra columnam» (Heikkilä 2002, с. 114 (примеч. 469)). Справедливости ради следует отметить, впрочем, что непосредственного упоминания древнего Симеона Столпника в житии Симеона Трирского мы не находим.

временная дистанция между кончиной и официальной канонизацией святого оказалась минимальной. Самого же св. Симеона можно назвать одной из любопытнейших фигур греко-латинского мира накануне схизмы¹⁸. Он родился около 990 г. предположительно в Сиракузах¹⁹, в семье византийского военного, получил образование в Константинополе, затем отправился в Иерусалим, где в течение семи лет был проводником паломников в Святой земле. До того как принять постриг, Симеон какое-то время был учеником и слугой отшельника, подвизавшегося в башне на Иордане, но впоследствии он вступил в монастырь в Вифлееме, провел там около двух лет и принял сан дьякона. Из вифлеемской обители Симеон переселился в монастырь на Синае. Известно, что во время своего пребывания в тех краях святой два года жил в качестве отшельника на берегу Красного моря, но затем вернулся к монашескому общежитию.

Настоятель синайского монастыря посылает его в Нормандию, к графу Рикарду II († 1026), для того чтобы забрать обещанное Рикардом денежное пожертвование монастырю. Волею обстоятельств путешествие это затягивается: сперва Симеон попал в плен к морским разбойникам, а затем оказался в Антиохии, где встретился с группой паломников из Аквитании, Лотарингии, Нормандии и Фландрии, направлявшихся в Иерусалим. Среди них находился трирский иерарх Эбервин († 1047), которому суждено было стать впоследствии автором жития святого. Присоединившись к этой группе на ее обратном

¹⁸ На сегодняшний день существует, кажется, лишь одна монография, целиком и полностью посвященная св. Симеону: Heikkilä 2002. Сведения о св. Симеоне из Трира можно также найти в работах: Thomsen 1939, с. 144–161; Heintz 1967, с. 163–173; Musset 1983; Heyen 1984; Bayer 1991, с. 337–338; Ketterer 1995, стб. 366–368; Engberg 2005, с. 132–146. Прежде всего см., однако, житие, составленное современником и другом Симеона, Эбервином из трирской обители св. Мартина: *Vita sancti Symeonis...*, с. 89–95.

¹⁹ «Symeon... in Sicilia civitate Syracusana progenitus...» (*Vita sancti Symeonis...*, с. 89 (гл. 1)). На свинцовой табличке, найденной в гробу св. Симеона при вскрытии захоронения в 1400 г., имелась надпись: «NIC IACET QUIDAM SIMON DE BABYLONIA, IN SINA MONACHUS, NIC ANTEA SOLITARIUS, OBIIT KALENDIS IUNI» (Marx, т. II/2, с. 98; *Kunstdenkmäler der Stadt Trier* 1938, с. 487). Значение топонима Babylonia, как будто бы указывающее на происхождение Симеона, в данном случае не вполне прозрачно; по мнению одних исследователей, так мог обозначаться в средневековой латыни Каир (Bayer 1991, с. 335 (примеч. 2); Heikkilä 2002, с. 240 (примеч. 1027)), по мнению же других, под словом Babylonia в надписи на табличке подразумевается аскетический путь служения Богу, избранный младшим Столпником: «Mit dem Wort 'Babylonia' sollte vielleicht bezeichnet werden, daß Simeon die Welt verlassen und die Einsamkeit gegangen war, um Gott zu dienen» (Heintz 1967, с. 163 (примеч. 1)).

пути, Симеон, сопровождаемый монахом Косьмой, с которым он встретился в Антиохии, отправляется в Западную Европу.

Весной 1027 г. он гостит в Ангулеме у герцога Вильгельма, с которым также познакомился во время паломничества последнего в Иерусалим²⁰. В этот период, по-видимому, состоялась встреча святого с знаменитым хронистом Адемаром Шабанским²¹. Из Ангулема Симеон перебирается со своим спутником в Лимож, где, помимо всего прочего, вроде бы принимает участие в диспуте, посвященном статусу патрона города, св. Марциала. Суть богословской полемики сводилась к тому, считать ли св. Марциала апостолом или лишь одним из семидесяти двух учеников Иисуса Христа. Судя по протоколам Лиможского собора от ноября 1031 г., Симеон высказался со всей определенностью в пользу апостольского служения аквитанского святого²².

Когда Симеон наконец добрался до Руана²³, графа Рикарда II уже не было в живых. Однако некоторое время спустя Симеон был представлен трирскому архиепископу Поппону († 1047). Хотя странствия его на этом не закончились (так, он был личным проводником Поппона в его двух- или трехгодичном паломничестве по Святым землям в 1027—1029 / 1028—1030 гг.²⁴), отныне дальнейшая жизнь Симеона была связана именно с Триром. Вернувшись сюда из своего последнего путешествия, Симеон вновь вступил на путь отшельничества, знакомый ему по годам, проведенным на христианском Востоке. Подобно своему давнишнему наставнику, жившему в башне на берегу Иордана, он затворяется в келье в восточной башне городских ворот Porta Nigra²⁵.

Через несколько лет святой, предвидя близящуюся кончину, сделал в присутствии Эбервина устное завещание, где, в частности, в весьма

²⁰ Vita sancti Symeonis..., с. 91.

²¹ См.: Heikkilä 2002, с. 119.

²² «Qui alter Symeon, alter nomine Cosmas, consono ore responderunt, dicentes: Utique Martialem novimus apostolum...» (Mansi, т. XIX, с. 517). О достоверности этого свидетельства, вступающего в некоторое противоречие с показаниями жития св. Симеона, см.: Heikkilä 2002, с. 204 (примеч. 857).

²³ Согласно некоторым данным, Симеон привез с собой из Синая мощи св. Екатерины и оставил их в Руане. О перенесении мощей и достоверности этого свидетельства см. подробнее: Heikkilä 2002, с. 120–122, с указанием литературы.

²⁴ О датировке паломничества см. подробнее: Heikkilä 2002, с. 127–128, 131–132.

²⁵ Судя по всему, это произошло 30 ноября, на память апостола Андрея, 1032 г. (Kunstdenkmäler der Stadt Trier 1938, с. 487; ср.: Bayer 1991, с. 336–337; Heikkilä 2002, с. 131).

определенных и энергичных выражениях распорядился судьбой своих останков. Он категорически запрещал хоронить себя в Трирском соборе или в каком-либо другом монастыре и настаивал на аскетическом погребении, в принципе отнюдь не чуждом западной церкви, но куда более распространенном в церкви восточной, — он велел похоронить себя на том самом месте, где подвизался²⁶. В житии подчеркивается, что Симеон был погребен по обычаям своей родины (*more suae patriae*)²⁷.

Если говорить о «материальном наследии» святого, то следует, видимо, упомянуть хранящуюся в Трире греческую рукопись конца X — начала XI в., владельцем которой традиция называет св. Симеона²⁸. Прямых доказательств принадлежности этого сборника богослужебных текстов трирскому отшельнику как будто нет, однако исследователи по совокупности косвенных данных полагают, что именно такое объяснение ее появления в Трире было бы всего логичнее²⁹. Коль скоро именно Симеон привез этот кодекс с востока, очевидно, что, нося сан дьякона, он скорее всего долгие годы использовал его по прямому назначению, как церковную служебную книгу, весьма вероятно, что и в Трире он не оставался для святого всего лишь напоминанием о ранних опытах его монашеской жизни.

После кончины Симеона, последовавшей 1 июня 1035 г., архиепископ Поппон добился необычайно скорого признания его святости

²⁶ *Vita sancti Symeonis...*, с. 93. Как уже отмечалось выше, в 1400 г. гроб с нектенными мощами Симеона был вскрыт и из него изъята глава святого, которая впоследствии была помещена в серебряный реликварий и выставлена для всеобщего почитания в трирской церкви св. Гervasия. О канонизации и культе мощей св. Симеона см. подробнее: Heintz 1967; Heikkilä 2002, с. 138–146, 197–253.

О традициях аскетического и уничтожительного погребения см. гл. III («Смерть в Чернигове...»).

²⁷ Heikkilä 2002, с. 134–135.

²⁸ См. подробнее: Engeberg 2005.

²⁹ В той части рукописи, которая содержит годичный богослужебный цикл, недостает фрагмента, относящегося к 1 сентября. Исследователь рукописи считает вероятным, что в отсутствующем фрагменте содержался текст праздничной службы Симеону Столпнику († 459, праздн. 01. IX) и что именно это обстоятельство и послужило причиной изъятия листов из кодекса, так как текст, посвященный тезке и возможному патрону Симеона Трирского, использовался в какой-то особой, более почетной функции (Engeberg 2005, с. 134). Не менее любопытно, что на переплете рукописи было помещено выполненное из слоновой кости изображение Симеона Богоприимца, причем имя этого святого указывается в подписи к изображению. Таким образом, если все исследовательские догадки и реконструкции верны, то бытование этой рукописи в Трире демонстрирует вполне закономерное синкретическое единство трех святых тезок — библейского персонажа, древнего подвижника и новопрославленного трирского отшельника.